

Глава 13. Последний вздох и новые потрясения

Говорят, что мужчины не проливают слёз по пустякам. Но для Те Сюаня плотина рухнула: горечь от потери мастера Те смешалась с бессильной яростью при виде умирающего Тысячерукого Будды. Слёзы душили его, катясь по щекам неостановимым потоком.

— Мастер, почему вы не нашли её? Почему не объяснились?

Старик одной рукой зажимал кровоточащую рану на животе, а другой — стёр с лица остатки грима, обнажая неожиданную молодость.

— Ступай к нему... Скажи, что Тысячерукий Будда не был подлецом. Скажи, что я никогда не нарушал данного слова...

Те Сюань лихорадочно закивал:

— Не волнуйтесь, я всё передам. Я позабочусь о той госпоже...

— Госпоже? — Тысячерукий Будда вдруг хрипло расхохотался, но смех тут же сменился судорожным вдохом. Он поморщился от резкой боли. — Это не госпожа. Это мужчина...

— Что? — Те Сюань замер с открытым ртом. В этот миг он выглядел почти комично.

— Сорок лет я топтал тропы этого мира и никогда не думал, что встречу кого-то, кто заставит моё сердце дрогнуть... Мы встретились не вовремя. Он использовал меня, но всё же... это я остался перед ним в долгу, — старик уставился в пустоту, бормоча что-то невнятное.

Горе Те Сюаня слегка отступило перед этим признанием. Он был потрясён. Теперь стало ясно, почему старик вечно подшучивал над ним и Цинь Ванем — оказывается, Тысячерукий Будда сам был из «обрезанных рукавов».

— Скажи ему... Пусть я не статный красавец, но я и не уродливый старик. Я был его достоин...

— Голос умирающего стал прерывистым. Он с неожиданной силой вцепился костлявыми пальцами в запястье юноши.

— Мастер, успокойтесь. Я исполню вашу волю. Я отомщу за вас...

Старик решительно качнул головой:

— Глупый малец, ты ещё слишком зелен. Вражда в цзянху бесконечна, кровь порождает кровь. Не мсти за меня...

Те Сюань почувствовал, как в душе разрастается пустота. Он так и не узнал, кто убил мастера Те, а теперь не мог даже отомстить за Тысячерукого Будду. Собственная никчёмность жгла его изнутри.

— Не забивай себе голову. Прожить жизнь, потакая чувствам — это благо... Но всегда найдётся кто-то сильнее тебя. Если хочешь держаться подальше от этой грязи — никогда не связывайся. Стоит войти в реку цзянху, и ты больше себе не принадлежишь, — старик вздохнул, погружаясь в воспоминания.

Заметив, что к мастеру будто вернулись силы, Те Сюань воспрял духом. Вдруг рана не так смертельна, как им казалось? Но в следующее мгновение Тысячерукий Будда снова сжал его руку, на этот раз болезненно.

— Послушай, парень. Перед смертью люди не лгут. У меня не было на твой счёт добрых намерений, но вреда я тебе не желал... Тот Цинь Вань... Берегись его. Будь с ним осторожен...

Те Сюань хотел было возразить, защищая друга, но в горящем взгляде старика было нечто такое, что заставило его промолчать. Как только юноша смиренно затих, свет в глазах Тысячерукого Будды начал гаснуть. Он медленно разжал пальцы, и его рука безвольно упала на стол.

Те Сюаню показалось, что из него вырвали сердце. Смерть мастера Те он слышал в звуках Жертвоприношения клинку, но не видел её. Родители Мо Чжэньчжэнь погибли у него на глазах, но он знал их меньше дня. Тысячерукий Будда же, хоть вечно ворчал, издевался и твердил о недоверии к людям, на деле заботился о нём как старший. Из корысти ли, или из уважения к мастеру Те — это было уже неважно. Старик был к нему добр. А теперь он ушёл, и Те Сюань мог лишь беспомощно смотреть на его остывающее тело.

Мир вокруг словно подернулся дымкой. Юноша сидел неподвижно, баюкая в руках мёртвого мастера. Он кожей чувствовал, как уходит тепло, как тяжёлый запах тела становится единственным напоминанием о живом человеке. В этот миг Те Сюань ощутил навалившуюся на него вековую усталость — он был как сухой лист, гонимый порывами безжалостной судьбы.

Время тянулось медленно. Рассвет сменился полуденным зноем, а затем на комнату легли тени заката. Те Сюань сидел, застыв в оцепенении, не в силах выпустить руку покойного. Мо Чжэньчжэнь несколько раз пыталась утешить его, но он не реагировал. Не то чтобы он не слышал её доброты — просто не хотел отвечать. Ему хотелось сбежать в эту тишину, забыть о прошлом и не думать о будущем. Впервые он засомневался в своём пути: если бы можно было просто ковать мечи, не зная мира — разве это не было бы истинным счастьем?

В какой-то момент до его слуха донеслись тихие шаги. Знакомая походка — чуть шаркающая, размеренная. Так ходил только Цинь Вань.

— Те Сюань, смирись. Мёртвым нужен покой, позволь мастеру Тысячерукому Будде уйти с миром... — Цинь Вань протянул руку, желая коснуться плеча друга, но в последний миг

помедлил.

Те Сюань посмотрел на его тень на полу. Он почувствовал горечь во рту.

— Цинь Вань, скажи честно... Это ведь не ты?

— О чём ты? — Цинь Вань медленно опустил руку. — Спрашивай прямо, не держи в себе. Мы ведь братья, верно?

Те Сюань зажмурился, осторожно уложил тело старика на стол и, зная, что друг стоит за спиной, всё же не решился обернуться.

— Ты из Учения Тай-и. Наша встреча действительно была случайной?

— Да, — ответил Цинь Вань. Коротко и слишком быстро. У Те Сюаня шевельнулось сомнение.

— Мастер вчера собирался найти тебя. Вы виделись? — Голос юноши дрогнул. Он вцепился в край стола так, что побелели костяшки, боясь показать свою слабость.

Цинь Вань покачал головой. Те Сюань увидел, как качнулась тень, и ощутил почти болезненное облегчение.

— Ко мне действительно приходили ночью... — Сердце юноши снова подскочило, но Цинь Вань продолжал спокойно: — Это был тот самый Лянь Цинъюнь из школы Эмэй, который вчера задирает тебя.

— Он?! — Те Сюань замер, пытаясь осознать услышанное. Перед смертью Тысячерукий Будда упоминал человека в белом с железным веером. Описание Лянь Цинъюня подходило идеально.

— Мастер хотел обсудить со мной кое-какие мелочи, касающиеся тебя... — Цинь Вань вздохнул и, наконец, мягко развернул Те Сюаня за плечи. — Ты весь день ничего не ел и не пил. Даже если ты сделан из стали, тело не выдержит. Сядь, отдохни.

Глаза Те Сюаня покраснели. Сдерживая новый приступ рыданий, он прохрипел:

— Он пришёл к тебе из-за пустяка, а этот Лянь Цинъюнь... Он выместил на нём злобу за вчерашнее унижение?

Цинь Вань усадил его и налил горячего чая.

— Он хотел «справедливости» для своей младшей сестры, но в итоге лишь потерпел поражение

от моей руки. Я не хотел раздувать конфликт между Учением Тай-и и школой Эмэй, поэтому просто отпустил его...

— Значит, это точно он! — Те Сюань ударил кулаком по ладони. — Кто ещё носит белое и железный веер? Он затаил обиду на меня, а пострадал мастер... Это я виноват! Я его погубил!

Цинь Вань молча смотрел на него мгновение, а затем подошёл и ласково взъерошил ему волосы.

— Хочешь плакать — плачь. Жизнь полна несправедливости, не держи это в себе, сожжёшь душу.

Эти слова стали последней каплей. Те Сюань, стиснув зубы, затрясся в беззвучных рыданиях. С тех пор как он покинул родную деревню, все его представления о мире рушились одно за другим. Почему сильные школы могут безнаказанно топтать слабых? Почему за его ошибки платят другие? Он не выдержал и, подавшись вперёд, обхватил Цинь Ваня за пояс, уткнувшись лицом ему в живот.

В глазах Цинь Ваня на миг промелькнуло сострадание, но оно быстро сменилось торжеством. Его план работал — Те Сюань полностью открылся ему. Прошлой ночью пришла весть от Ян Муяня: «Следи за ситуацией. Продолжай втираться в доверие. Устраняй всех, кто мешает. Смерть Цянь Линя забудь... Глава скоро будет в Янчжоу». Цинь Вань ловко свалил вину за гибель Цянь Линя на старика, а теперь, когда тот был мёртв, концы были спрятаны в воду. Он едва заметно и жутковато улыбнулся.

Те Сюань вскоре пришёл в себя. Заметив мокрое пятно на одежде друга, он неловко отстранился.

— Прости...

— Глупости, — притворно рассердился Цинь Вань. — Какие извинения между братьями? Твоя беда — моя беда.

— Цинь Вань, если бы не ты, я не знаю, что бы со мной стало...

Цинь Вань прищурился.

— Хватит чепухи. Умойся и ложись спать, я велю принести еду прямо в комнату. О похоронах не беспокойся, я всё возьму на себя.

Те Сюань кивнул и в последний раз подошёл к телу мастера.

— Мастер, не волнуйтесь. Я не буду искать слепой мести, но я добьюсь справедливости. Вы не уйдёте неотомщённым.

Поднимаясь по лестнице, Те Сюань встретил Мо Чжэньчжэнь. Её глаза тоже были опухшими от слёз.

— Чжэньчжэнь, что случилось? — у него почти не осталось сил на утешения.

— Брат Те, мне просто больно видеть, как ты страдаешь.

Те Сюань вымученно улыбнулся:

— Всё хорошо. Не плачь, а то глаза опухнут, красавицей не будешь.

Девушка едва не рассмеялась над его неуклюжей попыткой подбодрить её, но тут же снова погрузилась в грусть:

— Мастер погиб... Что ты теперь будешь делать?

— Чжэньчжэнь, мне нужно кое-куда сходить. Тебе лучше остаться здесь.

— Что?! — вскрикнула она. — Ты обещал всегда заботиться обо мне!

— Нет-нет... — Те Сюань запнулся. — Я хотел сказать... Перед уходом я поручу тебя Цинь Ваню. Он тебе ведь нравится?

Он ожидал, что она с радостью согласится, и в груди у него странно кольнуло. Но Мо Чжэньчжэнь лишь покачала головой:

— Брат Те, я назвала тебя братом не ради красного словца. Мои родители погибли, и ты — единственный близкий мне человек. Неважно, нравлюсь ли я брату Цинь, я никуда от тебя не уйду. Я знаю, как горько терять родных. Позволь теперь мне позаботиться о тебе.

Те Сюань почувствовал, как в его ледяной душе вновь затеплился огонёк.

— Хорошо... сестрёнка.

— Брат... — Девушка снова расчувствовалась.

Они постояли в тишине, а затем одновременно выдохнули:

— Иди отдыхай!

Оба замерли, а затем невольно улыбнулись. Теперь они оба знали: эта связь не разорвётся никогда.

Цинь Вань, как всегда, всё устроил безупречно. Серебро решало любые проблемы. Те Сюаню было неловко — он чувствовал себя обузой, ведь его собственные деньги давно закончились. Если бы не Цинь Вань, он, вероятно, уже просил бы милостыню.

Когда с похоронами было покончено, Цинь Вань спросил о дальнейших планах. Те Сюань не видел смысла лгать, но и рассказывать всё было неловко, поэтому он лишь туманно пояснил, что должен навестить одного человека в городке неподалёку по просьбе Тысячерукого Будды. В глубине души он не хотел расставаться с Цинь Ванем, но понимал: любая встреча заканчивается разлукой.

Цинь Вань молча потягивал чай. Те Сюань вдруг заметил, что за всё время их знакомства его друг ни разу не прикоснулся к вину. В родной деревне Те Сюань иногда выпивал чарку-другую крепкого пойла — оно жгло горло, как искры в кузнице, и дарило приятное тепло. Настоящему мужчине это чувство было по душе. Но Цинь Вань предпочитал терпкий чай, и Те Сюань, сам того не замечая, тоже привык к этому напитку, хотя так и не понял прелести его «долгого послевкусия».

— Те Сюань, — Цинь Вань отставил чашку и улыбнулся. — Мы знакомы недолго, но стали близки. Сейчас у меня нет срочных дел, так почему бы мне не проводить тебя до Лазурного Омута?

Те Сюань радостно вздрогнул.

— А как же дела Учения Тай-и? Я не стану помехой?

Цинь Вань лениво обвёл пальцем край чашки.

— Не беспокойся. Всё уже улажено.

Те Сюань не стал спорить и смущённо взъерошил волосы.

— Я уж думал просить у тебя в долг на дорогу, но, похоже, обойдётся...

— Ах ты, — усмехнулся Цинь Вань. — Значит, ты решил использовать меня как ходячую сокровищницу?

Они посмеялись, и напряжение последних дней немного спало.

— А где Чжэньчжэнь? — спохватился Те Сюань.

— Кажется, пошла собирать вещи, как только услышала, что мы уезжаем.

Те Сюань почувствовал, что жизнь налаживается. Есть друг, есть сестра — чего ещё желать?

— Цинь Вань, а ты никогда не думал о том, чтобы жениться? Обзавестись семьёй?

Тот странно посмотрел на него и после недолгой паузы ответил:

— Нет.

— Почему? — вырвалось у Те Сюаня, и внутри него шевельнулась необъяснимая радость.

— Просто не встретил подходящую женщину. К тому же, сейчас я занят важными делами, не до того.

Те Сюань решил не испытывать судьбу и сменил тему:

— Понимаю. Слушай, я ведь никогда не был в этих краях. Далеко до этого городка? — Мысленно он извинился перед Мо Чжэньчжэнь: он честно попытался прощупать почву, но раз Цинь Вань не заинтересован, то и сводничать он больше не будет.

Вещей у них было немного, так что выезд назначили на утро. Но планам не суждено было сбыться так просто: Те Сюань не искал встречи с Эмэй, но школа Эмэй сама явилась к нему.

В главном зале отеля «Приют вечного спокойствия» собралась целая толпа. К вчерашним задирам присоединились новые лица, а во главе стоял суровый У Тяньдэ. Но Те Сюаня больше всего поразило отсутствие одного человека.

— Где Лянь Цинъюнь? — спросил он, набравшись смелости под защитой Цинь Ваня.

Цзи Сяньэр, пылая от гнева, выкрикнула:

— Это ты! Ты затаил обиду на Брата-наставника Ляня и подло убил его ночью!

— Что?! — Те Сюань замер. Слова застряли в горле. — Я... я этого не делал...

— Не прикидывайся идиотом! — девица была вне себя. — Брат-наставник Лянь только прибыл сюда. Кроме вас, у него не было врагов. Кто ещё мог совершить такое злодеяние?

До Те Сюаня наконец дошёл истинный смысл её слов. Она не обвиняла его лично — он ведь не владел боевыми искусствами. Она метила в Цинь Ваня.

Цинь Вань сидел с невозмутимым видом, даже не потрудившись оправдаться. Видя его спокойствие, Те Сюань обрёл уверенность. Смерть Лянь Цинъюня не вызвала у него жалости — если бы тот не погиб, Те Сюань сам бы рано или поздно потребовал с него долг. Если это дело рук Цинь Ваня, то он чувствовал лишь благодарность.

— Госпожа, не нужно клеветать, — холодно произнёс Те Сюань. — Ваш Лянь Цинъюнь убил моего старшего, и я ещё не успел спросить с него за это. А вы теперь смеете заявлять о мести?

— Какие у тебя доказательства?! — огрызнулась Сяньэр.

— Я... — Те Сюань запнулся. Единственный свидетель был похоронен вчера. Где теперь искать правду?

— Нечего сказать? — Цзи Сяньэр презрительно усмехнулась и взмахнула рукой. Эмэйцы тут же окружили их плотным кольцом. — Зато у меня свидетелей — хоть отбавляй!

Те Сюань в отчаянии посмотрел на У Тяньдэ, но тот лишь молча наблюдал за выходками младшей сестры, не собираясь её останавливать.

— Если хотите создать мне проблемы — говорите прямо. Ненавижу эти ваши хождения вокруг да около... — Цинь Вань с резким стуком опустил чашку на стол. Фарфор был хрупким, но он ушёл в дерево наполовину, не треснув ни в одном месте.

Этот жест мгновенно остудил пыл У Тяньдэ. Он резко поднялся.

— Сяньэр, назад. Ты ему не ровня.

— Что, У Тяньдэ, тоже решил задавить числом? — Цинь Вань иронично приподнял бровь и едва заметно провел рукой над столом. Чашка, вбитая в дерево, пулей вылетела вверх. Цинь Вань небрежно поймал её широким рукавом. Его манера пить чай всегда была воплощением изящества: безупречная осанка, уверенные и в то же время плавные движения. Он выглядел как человек с древнего свитка. С каждым движением крышечки чая пар окутывал его лицо, делая черты мягче, а длинные ресницы — влажными. В этот миг он казался почти нереальным, ослепительно прекрасным.

Те Сюань заворожённо смотрел на него. Он почувствовал, как сердце в груди забилося так часто, что, казалось, вот-вот вырвется.

В отличие от него, У Тяньдэ становился всё мрачнее. Он напрягся и положил правую руку на рукоять длинного меча за спиной.

<http://bllate.org/book/17419/1657374>